

МИХАИЛ ПОГАРСКИЙ

ПУТЬ И ШЕСТВИЕ
ИЗ КРАСНОГОРСКА В МАСКВУ

(ПОВЕСТЬ ВНЕВРЕМЕННЫХ ЛЕТ)

КРАСНОГОРСК 2007

РАСПИСАНИЕ ДВИЖЕНИЯ

0.	Сумма дефиниций.....	00.00
0.0	Вступление автора.....	00.30
1.	Историко-географический очерк (настроение письма).....	01.00
2.	Герои (характеристики).....	03.00
3.	Начала.....	сентябрь
4.	Портреты.....	октябрь
5.	Фотография.....	ноябрь
6.	Счастье и прочие сущности.....	декабрь
7.	Необходимость Свидетельства.....	январь
8.	Поиски свидетельств.....	февраль
9.	В ожидании паспорта.....	март
10.	Приготовления.....	апрель
11.	В путь (маршрутка № 566).....	май
12.	Несостоявшийся привал (Тушино).....	май
13.	Состоявшийся привал (ул. Стратонавтов, 12).....	май
14.	Под Землёй (Тушино – Иные станции).....	май
15.	На заработках (Горбат).....	май
16.	Возвращение (Горбат – Красногорск).....	май

*Красное-красное Дао уводит меня в никуда.
(Пу Су)*

О. СУММА ДЕФИНИЦИЙ

Путь – Дао. Основополагающая категория китайской философии. В конфуцианстве – это путь совершенного правителя, путь нравственного совершенствования, совокупность морально-этических норм. В даосизме – закономерность всего сущего, его порождающее и организующее начало. Собственно мир есть «воплощение» Дао. Мудрец, следуя Дао, отказывается от целеполагающей активности, стремится к «у вэй» (недеянию), достигает единства с природой и становится совершенным. Согласно «Книге перемен» («Иц-зин»), Дао – закономерность чередования сил инь-ян.

Шествие – торжественное прохождение группы людей, процессия.

Масква – «Слышал ли ты, однако, про внутреннее склонение слов? – пишет Велимир Хлебников. – Про падежи внутри слова? Если родительный падеж отвечает на вопрос „откуда?“, а винительный и дательный на вопросы „куда?“ и „где?“, то склонение по этим падежам основы должно придавать возникшим словам обратные по смыслу значения. Таким образом, слова-родичи должны иметь далёкие значения. Это оправдывается. Так, *бобр* и *бабр*, означая безобидного грызуна и страшного хищника и образованные винительным и родительным падежами общей основы „бо“, самим строением своим описывают, что бобра следует преследовать, охотиться за ним как за добычей, а бабра следует бояться, так как здесь сам человек может стать предметом охоты со стороны зверя. Здесь простейшее тело изменением своего падежа изменяет смысл словесного построения. В одном слове предписывается, чтобы действие боя было направлено на зверя (винительный – *куда?*), а в другом слове указывается, что действие боя исходит из зверя (родительный – *откуда?*)».

Склоняя общую основу названия города «Мо» (от татарского «моск» – беременная), мы получим два разных города. «Москва» (от винительного падежа основы) отвечает на внутренний вопрос *куда?* И, соответственно, становится городом стремлений, огромных возможностей, центром притяжения и местом силы. «Масква» (от родительного падежа основы) отвечает на вопрос *откуда?* И превращается в город-угрозу, в безумный молох, перемальвающий людские судьбы и жизни, город-вампира, сосущий из человека все соки.

Милицанер – аналогично вышерассмотренному филологическому анализу просклоняем основу слова «милиционер» (от латинского *militia* – войско). И получим два совершенно противоположных слова: милиционер (основа находится в винительном падеже и отвечает на вопрос «*куда?*») – тот, к кому бегут за помощью, советом, поддержкой

и защитой. Милицанер (основа в родительном падеже и отвечает на вопрос «откуда?») – сам становится источником опасности, тот, кто может обидеть, обобрать и даже (!) ограбить!

0.0 ВСТУПЛЕНИЕ АВТОРА

Эта история во многом вымышлена и мифична, она основана на мифологических представлениях героев повести, которые волею судеб оказались за пределами основных социокультурных потоков. Герои эти, быть может, последние из книжечеев, последние жители «Галактики Гуттенберга». Свободно ориентируясь в сложнейших философских и культурологических вопросах, зная какие-то малоизвестные удивительные теории, они по-детски беспомощны перед самыми простейшими бытовыми проблемами. Им чужд, непонятен и странен мир потребления, бюрократических несуразниц, дурацких законов и откровенного снобизма. Находясь практически в трёх-четырёх километрах от Москвы, они ни разу там не были, и Москва (а вернее, Масква) остаётся для них загадочной Ултимой Туле, недостижимым Эдемом, путь к которому тяжёл и опасен. Как и почему так случилось, выяснится из дальнейшего повествования. Разумеется, мнения и суждения героев о современном состоянии дел в нашей стране и мире во многом не совпадают с мнением автора, однако они очень и очень симпатичны ему.

1. Историко-географический очерк (настроение письма)

Красногорск – большой город, больше древнего Рима по населению раза в три, а древнего Киева – так раз в пятнадцать!

Знаменитый патриарх лэнд-арга Никон, когда переделывал городок Истру в Новый Иерусалим, определил тогда ещё не существующему Красногорску место нового Назарета, вот оттуда и есть пошла красногорская святость! И все красногорцы с тех пор немного назаретяне.

В Красногорске жили покорители Крыма и привозили в него святые куски камней из города Кафы (нынешней Феодосии). Надо сказать, до сих пор каждый красногорец, хоть раз побывавший в Феодосии, привозит оттуда какой-нибудь камешек. Так что камней этих скопилось в городе видимо-невидимо или, проще говоря, – тьма!

В имени буржуинов Поляковых собиралось множество поэтов-символистов. Они напивались до чёртиков, особенно поэт-символист Бальмонт, который, подобно японцу Басё, спьяну бросался в воды речки

Баньки, намереваясь поймать отражение луны, чего, конечно, у него не получалось, зато потом, наутро мучаясь совестью и похмельем, он восклицал: «Как удивительна порою собственная душа!»

Немецкий ээк Конрад Лоренц, отбывая трудовую повинность на красногорской земле, обдумывал основы своей знаменитой книги «Так называемое зло», за которую впоследствии получил Нобелевскую премию.

В Красногорске есть такие улицы, одно перечисление которых превращается в поэму: Речная, Лесная, Парковая, Полевая, Красная горка, Ремесленная, Железнодорожная, Почтовая, Школьная, Пионерская и, наконец, Центральный проезд. А районы!!! Губайлово, Чернево, Павшино, Бруски, Тёплый бетон, Райцентр – песня!

Поэт и художник Михаил Погарский уже более 20-ти лет живёт и работает в Красногорске, где и создаёт свои нетленные произведения.

Масква – расположена на окраине Красногорска.

Все масквичи страшно богатые и очень важные люди. И все они имеют московскую прописку. У них так и написано в паспорте большими буквами МАСКВИЧ. А у кого нет прописки, тому лучше в Маскву и не ездить. Потому как специально обученные милиционеры этих людей отлавливают и отнимают у них все деньги, а у кого нет денег, того лупцуют резиновой дубинкой и сажают в тюрьму.

Масква окружена от всего остального мира специальной непроходимой дорогой, которая так и называется МКАД (Масковская Кольцевая Аграничительная Дорога). Через ту дорогу можно только на воздушном шаре перелететь или под землёй её проползти.

В Маскве живёт наш президент и руководит всей страной, чтобы людям было хорошо работать и было, что есть.

В Маскве также живёт другой человек – мэр. Он руководит только Масквой, чтобы масквичам было хорошо есть и жить.

Ещё в Маскве живёт писатель Марина Москвина, которая пишет очень хорошие книжки, но она никогда не важничает, а потому даже и на МАСКВИЧКУ-то не похожа. Марина родилась совсем в другом городе, который называется Москва, отсюда у неё и фамилия такая.

2. Герои (характеристики)

Колян Кислов – несостоявшийся (под словом «несостоявшийся» здесь и далее мы понимаем – не признанный широкой, более 3-х человек общественностью) учёный, более 10-ти лет проучившийся в каком-то умном институте имени Бау-мена, постоянно уходя в академические отпуска, так до сих пор и не закончив его. Любит в начале всех предложений употреблять слова-паразиты «очевидно», и «нужно сказать». Например, на вопрос, нет ли у него червонца, как правило, отвечает: «Очевидно, нет». Или очень часто из уст его раздаётся такая фраза: «Нужно сказать, водка кончилась». С самого детства собирает значки, которых скопилось у него видимо-невидимо. Временно работает землекопом.

Минька Горький – несостоявшийся художник-самоучка, во всём видит ненужные и злые страсти, поэтому пишет картины с названиями типа: «Бесстрастное красное на огне», «Спокойная буря в стакане воды», «Тихий гром акварельной краски». Временно работает землекопом.

Лёнька Веселов – несостоявшийся поэт и писатель, в восемь лет сочинивший вот такое стихотворение:

*Хоть слово и не воробей,
Но ты, писатель, не робей!
Ты этим словом вора бей!*

Временно работает землекопом.

3. Начала

Начались эти путь и шествие очень давно. Так давно, что даже никто и не помнит точно. Началось всё с того, что наши три несостоявшихся героя подрядились копать канаву через лесопарк, чтобы проложить какой-то сильно важный кабель. И копать нужно было вручную, поскольку вокруг было много деревьев. И любой экскаватор их бы тут же и поломал. А как раз в то время, когда герои наши начали копать лопатой, жизнь завертелась колесом: прораб, который их нанимал, уволился, планы кардинально поменялись, про канаву как-то подзабыли. Однако во всех ведомостях наши герои продолжали числиться (причём числились они почему-то охранниками объекта № 0333), зарплату, хоть и небольшую, получали исправно и копали свою канаву не за труд, как говорится, а на совесть. Но совесть – категория страшной загадочности, и по каким законам она устроена – понять до сих пор не удалось никому.

День землекопа прост и ясен. Он связан с Землёй и с небом, а иногда и с другими стихиями: с водой, когда жарко, с огнём, когда холодно, и с пятой стихией, когда душа того просит.

Душа землекопа ещё загадочнее совести, а уж про похмельную душу поэта Бальмонта тут и вспоминать-то как-то неуместно. И, как говорится, чего хочет душа – того хочет Бог!

Душа хотела довольно часто!

Как правило, Лёнька Веселов, Минька Горький и Колян Кислов забирали в каптёрке свой нехитрый рабочий инвентарь, степенно выкуривали по сигарете, перекидываясь с другими рабочими ничего не значащими (и значащими всё) фразами, типа: «Да, Михалыч, смешной ты будешь в старости», «Тяжело оно утром-то», «Как бы нам это вот так-то», «А лишь бы и оно-то», «По-о-огода...» («по-о-года» упоминалась при любом раскладе фраз, как говорится, всенепременно). Новый прораб, считавший землекопов и в самом деле охранниками какого-то непонятного объекта, спрашивал иногда, всё ли в порядке на вверенной им территории, на что землекопы чинно кивали головами.

И после чего в любую погоду отправлялись они в лесопарк копать свою канаву.

Путь до канавы проходил мимо трёх киосков и двух магазинов, и когда душа просила – наши герои в них заходили.

Происходило это примерно так:

– А что, Колянч, хорошо бы нам было портвейну купить, – говорил Лёнька Веселов.

– Нужно сказать, хорошо бы, – непременно отзывался Колян.

– Все мы в плену страстей наших, но и гасить ведь их тоже нужно, – поддакивал Минька Горький.

Дальше шли долгие подсчёты денег, вычисление бухов (бух – это такая единица измерения вина: градус, поделённый на объём и на рубль, кто не знает), рассматривание давно знакомых этикеток и, наконец, выбор закуски. Процедура, между прочим, наиважнейшая! Процесс приготовления и предвкушения пиршества всегда важнее и интереснее самого пиршества! Точно так же очень важно и интересно готовиться к жизни! И ещё важнее и интереснее готовиться к смерти...

Итак, полиэтиленовый пакет мог содержать: бутылку розового портвейна «Алушта», две бутылки красного портвейна того же названия и две бутылки пива «Пит» для Коляна и Миньки. (Лёнька пиво из непонятных нам соображений не уважал). На закуску шли сушёные кальмары, арахисовые солёные орешки, буханка бородинского хлеба, 100 грамм подсолнечного масла, 2 головки лука и 50 грамм соли, которую хозяйка прилавка насыпала из специально открытой для постоянных клиентов пачки в выдавший виды спичечный коробок.

Путь их лежал мимо раскидистой сосны, вдоль худенького ручья, через дощатый мостик-настил к началу и окончанию канавы, так как длины она была небольшой.

Копать наши герои решили с середины маршрута и сразу в оба конца, чтобы было быстрее. Придумал это, конечно же, Колян Кислов, как самый умный. Но дело, скажем прямо, продвигалось небыстро. (*Быстро сказка сказывается, да не скоро дело роется*). Канавы за полтора года разрослась как-то вкривь и вкось на три разных стороны и составляла общей длины метров семь-восемь, но уж никак не двенадцать. Со временем окончательное направление рытья было безвозвратно потеряно, канаву запорошило листвой и хвоей, и стала она напоминать обычную лесную яму. Зато около канавы вырос аккуратный (Колянова работа) столик-бревно плюс бревно-сиденье, чтобы было, где спокойно трапезничать и обсуждать разные мировые вопросы. А ещё спустя некоторое время Колян притащил выброшенное кем-то кресло.

Когда они делали первый глоток, то выражение их лиц в точности соответствовало выражению лиц трёх великих китайцев с картины «Пробователи уксуса»: кислая, как у Конфуция, физиономия Коляна,

горькая, как у Будды, гримаса Миньки и блаженная, как у Лао Цзы, улыбка Лёньки. «У-уф», – говорил Колян. «Э-эх», – кривился Минька. «А-ах», – восклицал Лёнька. Видимо, фамилии накладывали свой отпечаток. Или, наоборот, фамилии в своё время были выбраны для их предков в соответствии с родовыми генами.

– Нужно сказать, что благородный муж, – говорил Коляныч, – должен во всём достигать совершенства. Даже к рытью канавы надо основательно подготовиться, наточить инструмент, постигнуть масштаб, наметить, так сказать, перспективы и планы.

– Главное, – встревал Минька, – это не поддаваться собственным страстям. Может тебе и хочется копать канаву, но ты не торопись, отвлекись от всего земного, посиди под деревом, прислушайся к голосу внутри себя, иногда ведь важнее покопаться в собственной душе, чем в канаве...

– Возможно, предназначение этой канавы вовсе и не кабель? Быть может, это просто Канава канав? Метафорическое изображение канавы, недоступное слову, – вопрошал Лёнька. – Можно ведь разными путями приближаться к совершенству, и путь канавы ничем не хуже других.

Потом разговоры могли касаться самых разных тем, но чаще всего они сводились к обсуждению загадочной Масквы, в которой никто из них не разу не был.

– Говорят в Маскве художникам здоровущие деньги платят, – мог начать тему Минька, – говорят, они за портрет могут целую тысячу рублей получить!

– Ну, уж про тысячу ты загнул, – развивал дискуссию Лёнька, – рублей 900 – это я ещё могу представить, но уж никак не тысячу.

– Говорят, у них там есть такое специальное место Горбат, где все эти художники и горбатятся. Посадят какую-нибудь фифочку на деревянный стульчик, нарисуют её портретик минут за двадцать и тысяча рублей в кармане! Там, говорят, и поэты горбатятся тоже: встанут на скамеечку, читают свои стихи с полчаса, а вокруг них целая толпа фифочек стоит и червончики в шапку так и кидают, так и кидают. За полчаса могут целую тысячу рубликов накидать.

– А учёным там как? – интересовался Колян. – Если я, например, на скамеечку встану и расскажу им основы конфуцианской добродетели или объясню устройство дизельного двигателя, то могут ли они мне тоже в шапку червончиков накидать?

– Не-е. Это навряд ли. На это они тебе скажут, что благородный муж не должен заботиться о своей выгоде, а служить государству из высших интересов! А то ещё и морду набьют. И очень даже просто набьют.

И за дизельный двигатель тоже набьют, потому как он уж дюже шибко коптит.

Учёные там значками в основном торгуют или матрёшками. Покупают, например, в магазине «Детский мир» матрёшку за сто рублей, а продают на Горбате за тысячу. 900 рублей чистого навару, – объяснял Минька.

– Так может нам это, в Маскву податься на заработки? – предлагал Лёнька. – Я буду стихи читать, Минька портреты фифочек рисовать, а Коляннич продаст свои значки, которые у него пылятся безо всякой разумной надобности.

– Не-е. Я значки не продам. Они же мне как друзья уже, как же можно их продавать-то. Я лучше матрёшку в «Детском мире» куплю и буду эту матрёшку продавать.

– Сколько раз вам говорить, – объяснял многомудрый Минька, – нельзя в Маскву без прописки! У кого нет масковской прописки, того ловят специально обученные милиционеры и отнимают все деньги. А если нет денег, то сажают прямо в тюрьму, и при этом дубасят тебя по дороге специальными резиновыми дубинками!

– А я вот от одного умного человека слышал, что с красногорской пропиской в Маскве тоже не дубасят, а вовсе даже и наоборот – отдают честь и объясняют, как пройти на Горбат, – высказал своё предположение Лёнька.

– Ну, насчёт чести я сильно сомневаюсь, какая-токая у милиционеров может быть честь? Это девушка может честь отдать, а милиционеру это ну никак не под силу, – возразил Коляннич, – это уже какое-то патологическое извращение может получиться!

– Это такое метафорическое выражение, Колян, на самом-то деле, конечно, он никакую честь не отдаёт, а просто низко кланяется, как бы показывая, что будь он девушкой, он бы на свою честь ничуть не поскупился.

– Да бог с ней с честью-то! На хрена нам его честь сдалась?! А вот если дорогу на Горбат покажет и деньги не отнимет, то это хорошо, – воодушевился Минька, – только какая она про-писька-то? Ты её когда-нибудь видел, Колян?

– Эх, темь ты беспросветная, столько лет живёшь, а таких простых вещей не знаешь, это просто в паспорте прописано у тебя, что ты, Минька Горький, живёшь в городе Красногорске и временно работаешь землекопом. Прописано, от того так и прозывается – прописька! – объяснил умный Колян.

– А у меня и паспорта-то никакого нету, – разноглосьим хором сказали Минька и Лёнька.

– Как так нету? А куда же он, то есть они подевались?

– Так ить и не было никогда, – удивился Лёнька, – а зачем он?
– Да, действительно, а зачем? – поддакнул Минька.
– Ну, как зачем? Как зачем? – стал размахивать руками Колян. – Ну, например, ездить в Маскву на Горбат. Без паспорта в Маскву никак нельзя.

– А где же его взять-то паспорт-то этот?

– Для этого вам надо собрать разные бумаги, сфотографироваться и пойти в паспортный стол, в нём сидят такие специальные девушки, которые и делают паспорта.

– Ну и горазд же ты, Коляныч, брехать, – возмутился Лёнька, – это какой же такой должен быть стол, чтобы в нём девушки сидели?

– Ничего и не брехать! Это такое метафорическое выражение. Стол на самом деле это обыкновенный дом, который на стол даже и совсем не похож.

– А у тебя самого-то, Коляныч, паспорт есть?

– Очевидно, есть! Я, ещё когда в институт поступал, сделал. В институт, как и в Маскву, без паспорта не пускают.

Тут, видимо, нужно сделать небольшое отступление и объяснить, как же так получилось, что вполне казалось бы взрослые, добывающие свой третий десяток мужики оказались без паспорта и вообще впервые о нём услышали. Дело в том, что как Минька, так и Лёнька росли без родителей, за тем и за другим присматривали старые и мало что смыслящие в современной жизни бабушки. Им бы лишь сыт был ребёнок да одет, а остальное, как говорится, от лукавого. Плюс к этому и Лёнька, и Минька были очень замкнутыми людьми и до того, как встретились с Колянычем, практически ни с кем не общались. Минька исповедовал стихийный буддизм, писал свои странные картины и вот наконец-то устроился работать землекопом.

Лёнька писал свои не менее странные стихи, иногда посылал их по почте в различные журналы, в недрах которых они благополучно и терялись. Был он внутренне схож с древним даосом, и идеи этого учения, несомненно, были ему очень близки. Колян, хоть и тоже был не от мира сего, но, будучи по природе склонен к порядку, а также, столкнувшись с институтской бюрократической машиной, имел о мире более реальное представление. Хотя, что такое «реальное представление», представить себе довольно трудно:)

4. Портреты

На следующее утро, оставив Коляна одного копать канаву и сторожить лопаты, Минька и Лёнька отправились в фотографию, чтобы сделать фотопортрет на паспорт.

Дорога случилась у них и путлявой, и сложной...

– Я думаю, – говорил по дороге Минька, – что фотография очень плохо отражает внутреннюю суть человека. Например, во время съёмки человек может моргнуть, и тогда, посмотрев на его фотографию, все будут думать, что он слепой. Портрет, сделанный художником, гораздо глубже отражает суть человека, потому что делается не в сотую долю секунды, а за несколько часов, а старые мастера тратили на портреты своих заказчиков по нескольку дней, а иногда даже месяцев. И я думаю, это правильно, сегодня у меня одно настроение, завтра – другое, нужно собрать совокупность множественного изменения лица, и на основе это сделать целостное единство.

– Если всем на паспорт делать художественные портреты, а не фотографии, то это дело может сильно затянуться, – возражал Лёнька, – и тогда никто не сможет ездить в Маскву...

– Всё человечество, как мне кажется, постоянно куда-то спешит, причём по-моему не очень понимает, куда. Прав был Иоанн Богослов: «Суета сует и всяческая суета...»

По дороге в фотографию в Красногорске имеет место быть самая что ни на есть настоящая «Рюмочная»! И, разумеется, наши герои решили зайти в неё и выпить для храбрости по рюмке водки. И то сказать, не каждый день тебе доводится ходить фотографироваться, если ты землекоп. Минька и Лёнька мирно устроились за деревянным столиком и подняли тост за вечно ускользающую реальность...

– Я читал в одной книжке, что в мире есть такие специальные люди – мусульмане, и они считают греховным воспроизводить своё изображение. Они говорят, что нельзя ещё раз повторить то, что уже создал бог (аллах по-ихнему), а все эти так называемые портреты и фотографии есть ничто иное, как карикатура на божественное творчество, – изрёк многозначительно Лёнька, – а ещё они не пьют вина.

– Как? Совсем? – удивился Минька. – И водку?

– И водку.

– И портвейн?

– И портвейн.

– И пиво?

– И пиво.

– А что же они пьют?

- Воду пьют. Чай. Кофе.
- У них, наверное, и в крови одна вода...
- Не-е, они курят специальную траву, от которой сильно звереют, и кровь начинает закипать, как вулкан Шивелуч.
- А зачем?
- Трудно сказать, зачем, я думаю, это обычные aberrации хорошего изначально учения.

Заинтересовавшись их разговором, к ним подошёл один гражданин сильно помятой наружности, однако с едва початой бутылкой водки и сказал:

- Друзья, я вижу, вы сильно интеллигентные люди, и потому не могли бы вы мне дать один совет!
- Интеллигентность сложное понятие, если, например, восходить к определению Бердяева, то мы вряд ли соответствуем, а если к определению Британского энциклопедического словаря, то и вообще не соответствуем, возможно, конечно, в нас что-то есть от определения Грамши, но Грамши, как мне кажется, в нашем культурном слое не особо в чести... – заметил Лёнька.
- Я завчера, – ничуть не смущаясь, продолжал гражданин помятой наружности, – был в Маскве.
- В Маскве!!! – так и ахнули Лёнька с Минькой.
- Ну да в Маскве.
- На Горбате?
- Ну да, на Горбате, а откуда вы знаете?
- А что же милиционеры у вас прописку спрашивали? – поинтересовался Минька.
- Не, про письку не спрашивали, – засмеялся гражданин помятой наружности. – Так вот увидел я, как там, на Горбате, художники портреты рисуют. Поинтересовался у одного, сколько стоит? Он говорит: если здесь за двадцать минут, то тысяча рублёв, а если у меня в мастерской, за три сеанса, то тогда пятнадцать тысяч. Вот я и думаю – как поступить?
- Чтобы слиться с кистью художника, двадцати минут мало, – сказал Лёнька.
- За двадцать минут от земных страстей не отречься, – добавил Минька.
- А зачем Вам ездить в Маскву? Вы приходите к нам на канаву. Минька Вас там за три сеанса за ту же тысячу рублёв нарисует, – предложил Лёнька.
- Так ты, стало быть, художник, – строго спросил гражданин.
- Стало быть, – сказал Минька, – только я портретов пока ещё ничьих не писал.

– Замётано, – сказал гражданин, – меня зовут Вова Загон-Сапоенго.
– Договорились, – сказали Минька и Лёнька, и пустились бегом в фотографию, потому что времени прошло уже предостаточно.

Почему-то время, проведённое в рюмочных и им подобных пространствах, начинает течь нелинейно, иногда сокращаясь до невозможных пределов, а иногда растягиваясь до бесконечности. В этот раз оно странным образом сократилось, а быть может Сокра'тилось. Сокра'тилось так, что фотография была уже напрочь закрыта, а вопрос «Что есть истина?» так и остался открытым...

Наши герои вернулись к канаве, возле которой с удивлением увидели сооружённый Колян навес от дождя.

Гордый Колян стоял около навеса и с полным чувством собственного достоинства спросил:

- Ну что, сфотографировались?
- Не-а, – сконфуженно отвечали герои.
- Понятно, – сказал Колян, – завтра вместе пойдём.
- Завтра никак нельзя, – возразил Лёнька, – завтра к нам Вова придёт, мы его портрет писать будем, за тысячу между прочим рублёв!
- Понятно, – сказал Колян.

.....

Поставленные многоточия делают слабую попытку наметить пунктирную линию написания портрета. Линия эта начиналась в среду, а терялась где-то между субботой и воскресеньем. Из этого периода отложились два-семь никак между собой не связанных разговора или полуразговора:

- Ты э-это, Минька, со-средоточься...
- Да, я тут, бля, уже со среды сосредотачиваюсь...

- А может, брови, сбрить на фиг?

- Какой хороший портвейн...

- Зато посмотри, как уши похожи...

- Всякая краска порождает противокраску...

- Как правило, нефотогеничные люди – портретичны...

– Фотографируя, ворует у человека душу, а когда рисуешь, то создаёшь новую.

- Мне кажется, синяя краска лишне...

– Человек – венец творения! Поэтому в мире всё для человека, даже синяя краска!

– Глупость полная и окончательная! Над этим ещё Вольтер смеялся, понятно? Мир – это цепь взаимоотношений: художник рисует человека, человек ест птицу, птица ест комара, комар ест художника.

- Комар он всех ест: и человека, и художника, и птицу, и быка.

- Выходит, что же мир для комара, что ли?

- Комар бактерию не ест, а вот бактерия ест всех!

- Дык, что же это бактерия – венец творения?

– Нельзя подходить к эсхатологическим вопросам с точки зрения жратвы!

– В каждом человеке живёт свой поэт, но не все разрешают ему петь песни...

- Мысль утренняя не равна мысли вечерней.

Кажется, водка – кирдык.

Новость ветра определяется запахом, я это не к тому, чтобы выпить, а потому что нужно.

Китайцы всегда так делали: сначала напьются, а уже потом философии разводят.

Вот у поэта Ли Бо есть такие стихи: Что-то там такое тра-та-та... выпиваем чередой сто кувшинчиков вина... Коротка, приятна ночь и тиха река беседы... И что-то опять там тра-та-та.

– Этот Вова Загон-Сапоенго, по-моему, весьма подозрительная личность...

– Это почему же? По-моему, хороший дядька – водку нам покупает, на портрет позирует, и вообще...

– А ты его фамилию наоборот читал?

– Ого, ничего себе!

– То-то и оно, хороший человек себе такую не выберет!

5. Фотография

Хоть и с превеликим трудом, но в течение месяца фотографии были сделаны.

Это, повторяю, было тоже всё весьма смутно и обрывочно. Могу, если хотите, предоставить осколки или слайды событий и разговоров. Вот:

– Вам на какой паспорт?

– Чтобы там прописка была.

– На заграничный или на обычный?

– На заграничный, наверное. Нам в Маскву нужно.

– Это и обычный достаточно. Сто двадцать рублей.

– Сколько?!!!!

– Зря мы это, Минька, такие деньжищи ухлопали!!!

– Не всё, Лёнька, определяется этим хре'новым мировым эквивалентом, вот ты бы за пропуск в космос, что, тоже бы поскупился?

– То Масква, а то космос...

– Там, между прочим, очень хорошие лампочки.

– А вот интересно, Сократ бы стал фотографироваться за сто двадцать рублей?

– Откуда, да у него отродясь таких денег не было!

– Значит бы и Сократа в Маскву не пустили...

– Это уж, всяко..., сам прикидывай...

Я хочу тебе сказать одну, но очень правильную вещь... там... там тоже всё очень и очень непонятно....

Оказывается трудно не моргать-то.

Надо заметить, что в результате на фотографиях и Лёнька, и Минька получились с выпученными глазами, по-видимому, очень они старались не моргать, чтобы не получиться слепыми.

6. Счастье и прочие сущности

На следующий день наша троица решила отметить получение фотографий. Разгорелись жаркие споры по поводу напитка. Лёнька настаивал, что сегодня вместо портвейна значительно логичнее взять водки. Мотивировал он это тем, что по правилам обмываемую вещь (в данном случае фотографии) нужно опускать в стакан, а от портвейна они могут попачкаться. Минька же сомневался, нужно ли опускать фотографии в стакан и говорил, что достаточно будет капнуть на уголок, который фотограф, наверное, именно для этого и оставил белым. Колян вообще предлагал капать на обратную сторону, а поэтому тут уже совершенно неважно, водка это будет или портвейн, но портвейн предпочтительнее из других соображений. Во-первых, виноградные спирты кружат голову в нужную сторону, а пшеничные не всегда в нужную, а уж если говорить о картофельных спиртах, из которых делают шнапс, то они вызывают агрессию, ведут к фашизму, нигилизму и прочему непотребству. Очень неплохо действуют на организм спирты из кактусов и сахарного тростника, но на такие спирты у нас денег нет, поэтому, очевидно, нам нужно взять портвейну.

В конце концов сошлись на том, что нужно взять две портвейну и чекушку водки, чисто для обмыва, но фотографии в стакан не опускать, а капать на обратную сторону.

Накрапывал мелкий дождичек, и навес, сооружённый Коляном, был сегодня как нельзя кстати. Сначала решили выпить просто так, безо всякого обмывания, а чисто из любви к жизни и искусству, ну и чтобы не торопить события. Колян разлил портвейн по гранёным стаканам, степенно отхлебнул, скорчил свою кислую мину и неожиданно спросил:

– А как ты думаешь, Лёнька, счастье – оно какое?

– Дык, ить, оно это, по-разному. Я вот как-то тут прихожу домой вечером усталый после работы-то, и довольный, конечно, но только как будто бы не хватает чего-то. Может, бутылки пива, а может быть даже и полбутылки... Только дома-то я не пью, мне бабушка не разрешает. Да и нет у меня дома-то никакого пива... Да и денег в тот вечер тоже уже никаких не было. А тут мне бабушка возьми да и скажи: «Сходил бы ты Лёнька за хлебом, хлеба-то у нас нет к ужину». И даёт мне двадцать рублёв. Ну, накинул я курточку, выхожу в подъезд и вдруг вижу червонец валяется! Ну думаю, во дела-то!!! Короче вместе со сдачей, с червонцем этим, да ещё своих у меня два рубля было, вышло у меня в аккурат на бутылку тёмного «Афанасия». И вот стою я во дворе, вечерет уже, звёздочки в небе загораются, и таким мне вкусным этот самый «Афанасий» показался... Вот ведь, думаю, какое оно счастье-то оказывается...

Отпил я половину бутылочки, а больше оно и не нужно мне было, и дай, думаю, оставлю, может и ещё кому-нибудь счастье-то будет. Поставил я эти пол-«Афанасия» в куст шиповника, да и пошёл домой. А там бабушка котлет морковных нажарила. Она ужас до чего вкусно котлеты морковные жарит...

– Да уж повезло тебе с червонцем-то, – порадовался за друга Минька.

– Ага, повезло... Только на этом-то история-то не кончилась. Выхожу я на следующий день утром на работу-то, солнышко встаёт птички поют, и на душе у меня так светло-светло. Эх, думаю, вот бы сейчас глоточек «Афанасия»-то вчерашнего! А что, думаю, загляну-ка я в куст-то шиповника? И что вы думаете?

– Неужто стоит? – так и вскрикнули Минька и Колян.

– Стоит, родимый! Холодненький такой после ночи-то!!! Вот тут уж меня окончательно счастье скрутило!

– Да уж, повезло тебе, Лёнька! Только ты и сам молодец. Правильно ты червонцем-то найденным распорядился. А то вот мы отдали вчера аж по сто двадцать рубликов на какие-то пучеглазые фотографии, и никакого нам от этого ни счастья, ни резону!

– Как так никакого резону? – возмутился Колян. – Вы по этим фотографиям паспорта получите, а с ними в Маскву поедем. А там, оно знаешь как, в Маскве-то!!! Там, говорят, в каждой квартире стоит такой специальный холодильник, который постоянно до отказа забит самым что ни на есть свежим пивом! А если пиво заканчивается, то масквичи его по Интернету заказывают, и оно к ним прямо через компьютер и поступает.

(Надо заметить, что ни у кого из наших землекопов никогда не было не только Интернета, но и самого примитивного компьютера, поэтому знания и соображения об этих предметах у них были самые фантастические и мифологические).

– Неуж-то прям через компьютер? – изумился Лёнька.

– Да, ну на фиг, брехня всё это, – засомневался Минька, – если через компьютер, значит по проводам, а пиво-то оно жидкое! Всю проводку замкнёт на фиг. Я вот недавно случайно настольную лампу в аквариум поставил, так у нас потом свету полдня не было.

– Дурак ты, Минька, – начал объяснять умный Коляныч. – Очевидно, что никакое пиво по проводам не течёт, это же тебе компьютер, а не пивопровод! Просто масквич посылает по Интернету на пивной завод запрос, чтобы прислали ему, например, ящик пива, а деньги пусть, мол, снимут за это с его личного счёта (у каждого масквича есть такой специальный счёт, где у него много-много денег).

На пивном заводе берут ящик пива, отцифровывают его и посылают масквичу гольную информацию, масквич скачивает информацию, подключает её к холодильнику и там, пожалуйста, самое свежайшее пиво!!!

– Неужели же всё, что угодно, можно отцифровать? – поражается Лёнька.

– Абсолютно!

– И слова?

– И слова!

– И музыку?

– И музыку!

– И настроение?

– Да абсолютно всё. Мир, Лёнька, это просто-напросто упорядоченная информация. Где информация не упорядочена – там хаос, а хаос устремляет энтропию вселенной к максимуму и ведёт мир к тепловой смерти. Человек же создан для того, чтобы противостоять хаосу и упорядочивать информацию.

– По-моему, Коляныч, ты гонишь, – по-прежнему сомневается Минька, – ну пиво-то ладно, пиво, наверное, можно отцифровать и перегнать по Интернету в холодильник, но вот музыку, слово!!! Цифры это что? – Алгебра! А музыка – это что? – Гармония! А разве можно алгеброй гармонию проверить? Это ещё у Сальери не получилось, и тогда он от обиды отравил Моцарта.

– Да это всё не так! – возмущается Коляныч, – Моцарта он отравил из зависти, а не от обиды! А потом когда музыку цифруют, то её не проверяют алгеброй, а просто делают перекодировку гармонии, а потом её компьютер назад раскодирует и вот вам, пожалуйста – музыка!

– Я думаю, это уже не музыка, а всего лишь иллюзия музыки. Ну, вот как на этой фотографии не я, а лишь моё иллюзорное изображение с выпученными глазами.

– Нет, ну конечно, иллюзия, только очень-очень похожая, ну как хорошая репродукция картины, например.

– А пиво, может быть, тоже у них там, в холодильниках, иллюзорное?

– В каком-то смысле, конечно, иллюзорное, ну понятно, что холодильник воспроизводит просто тот же самый набор атомов и всё, а уж все эти дополнительные биополя с романтикой по сжатию солода, сбору продуваемому всеми ветрами хмеля, колдовству пивовара они где-то по дороге теряются.

– А может быть, и весь мир это просто ловко отцифрованная иллюзия? – задаётся вопросом Лёнька.

– Это запросто, – уверяет Колян, – только для нас это безразлично, потому что, если это так, то и мы часть иллюзии, а стало быть,

внутренни относительно неё. А вот про те иллюзии, о которых мы говорили, они внешни по отношению к нам, это уже производные от реальности второго порядка, ну или энного, неважно.

– Кстати, не пора ли нам обмыть эти наши пучеглазые иллюзии? – предлагает Минька.

.....

Далее снова происходит некий провал сюжета. Обмывание фотографий, как вы уже, наверное, догадались ни к чему хорошему ни привело. Рука, конечно же, дрогнула, и пролилась не капля, а должно быть, грамм 20! Фотобумага стала коробиться. Её, конечно, пытались сушить над зажигалкой. И после долгих манипуляций, фотографии наших героев приняли благородный древний оттенок, обожжённые края и некоторую помятость. Всё это, конечно, сопровождалось охами, вздохами и философскими замечаниями, избранная стенограмма которых и приводится ниже.

Зря, ты Коляннич её огнём-то.

– Ты смотри, как покорибилась-то, зараза.

– Зато, кажется, глаза уже не такие пучеглазые стали.

Это называется рихтование иллюзий!

Там, наверное, все цифры расплавились, на фиг.

– А зачем ты, Минька, лампу-то в аквариум опускал?

– Да я же говорю случайно...

– Строптивный случай правит миром...

– А может быть, случайный строп запутался не там, где надо?

– Да не, это не строп был, а шнурок, я на свой шнурок наступил, ну и звезданулся вместе с лампой, а аквариум рядом стоял.

– А рыбок-то током не поубивало?

– Да у меня там и рыбок-то нет никаких.

– А кто же у тебя там?

– Аксолотли.

– Кто-кто?

– Ну, я же говорю, аксолотли. Это такие специальные существа, типа головастика, которые могут всю жизнь так и прожить головастиками и даже размножаться головастиками, и никогда не стать земноводными, но иногда по каким-то непонятным причинам некоторые из них вдруг превращаются в ящерок и выходят на сушу.

– Вот и с людьми, тоже самое, блин...

– Что – то же?

– Ну, то же. Кто-то так всю жизнь и остаётся всего лишь навсего двуногим головастиком.

– А кто-то?

– А кто-то превращается в прекрасную ящерку...

– А почему?

– Ну, ты же сам сказал по непонятным причинам! Вот на фига, например, нужно было обмывать эти чёртовы фотографии?!

– Дык, традиция же...

– Это, Минька, головастики живут по традиции, а если ты уже почти что ящерица, то надо о суше думать, понятно?

Тоже мне, аксолотль пучеглазый нашёлся!

– Надо заметить водка-то, кирдык.

– Поменьше фотографии обливать надо было!

– Да там и пролилось-то грамм 20 всего.

– 20!!! А куда же она подевалась тогда, а?!

– Всё течёт.

– Куда?

– Дык, ить, это куда как. Иногда, например, прямо на иллюзии.

– А вот интересно, почему если этикетка внутри трусов, то её сзади пришивают, а если снаружи, то спереди?

– Ты не промахнись, давай, эти-икетка...

– Куда?

– Туда.

– А разве там что-то есть?

– Земля.

– На Землю промахнуться трудно.

– У некоторых, однако, получается...

– Лёнька, а почитай что-нибудь, а?

И Лёнька, утерев нос рукавом, негромко читает:

*Послушай, мир по случаю случился,
Возможно, демиург слегка напился,
И во хмелю, по образу творя,
Соорудил тебя или меня...*

– И всё-то ты, Лёнька, врёшь!

– Я не вру, я сочиняю, создаю, так сказать, новые иллюзии.

– А чем же обычное враньё отличается от тех же самых иллюзий?

– Враньё или обман направлены на одурачивание с целью личного обогащения, а создание новых иллюзий, наоборот, обогащает весь мир!

– О-б-о-г-о... обно-го... обногощает, блин, замусоривает к чёртовой матери. Ещё Оккам говорил, что не нужно творить новые сущности без крайней на то необходимости!

– А как её определять-то крайнюю необходимость-то?

– Когда будешь на краю. Встанешь на лезвие бритвы, тогда и поймёшь, чо те надо.

– Порежешься на фиг.

– Вот, то-то и оно! А ты умудрись не порезаться! Умудрись пройти по мосту тоньше человеческого волоса! Умудрись налить на фотографию не 20 грамм, а всего одну каплю!

7. Необходимость Свидетельства

Некоторое время спустя (может быть, день, а может быть, неделю или две) Минька и Лёнька отправились в паспортный метафорический стол, чтобы выправить себе паспорта.

Вот краткие выдержки из этой нелепой истории:

- Мне бы, тётя, паспорт выправить нужно.
- Тётя!!! Какая я тебе тётя!!!
- Ну, ведь не дяденька же? У меня и фотографии есть.

- Где же ты раньше-то был, а?
- Я-то? Я канаву копал.

- Одних фотографий, причём таких мятых, недостаточно.
- У меня тё.. то есть дя..., то есть это, у меня других нету, а что ещё-то?

- Свидетельство о рождении нужно!
- О чём?
- О рождении!
- Кого?
- Ты что, издеваешься, да? Коня в кожаном пальто!
- Какого коня?
- Пошёл вон отсюда! Нахал! Я тебе покажу, какого коня!

- Ну что, дали паспорт?
- Не-а, а тебе? У меня про какого-то коня спрашивали.
- Мне тоже нет. Им свидетельство нужно...
- Коня?
- Почему коня? Свидетельство о рождении.
- Кого?
- Меня.
- Что тебя?
- Ну, чтобы кто-нибудь засвидетельствовал, что я родился.
- А что не видно? Вон он ты – стоишь, разговариваешь. Раз разговариваешь, значит мыслишь, раз мыслишь – значит существуешь! Это ещё Декарт говорил. Раз существуешь, значит родился!
- Не факт.

– Что не факт?

– Ну, магнитофон тоже разговаривает, но это не значит, что он мыслит! А я вот тут по телевизору видел, что японцы сделали робота, ну совсем как человека, он и на ощупь такой же, и запах имеет человеческий, и разговаривает и всё такое. Понятно? А дальше – больше: развитие работ по искусственному интеллекту, генной инженерии, клонированию и проч. приведёт в конце концов к созданию практически неотличимых от настоящих, но искусственных существ, помнишь, как в «Солярисе» океан создавал давно погибших людей, вытаскивая их образы из памяти героев. Вот так и мы. Может быть, мы просто иллюзии?

– Ну, мы же не иллюзии!

– Это ты знаешь, а им как знать? Вот если бы к тебе пришёл незнакомый искусственный человек, как бы ты его проверил на изначальную настоящесть?

– Ну, чем-то же он, наверное, отличается? Эти вон в «Солярисе» из нейтрино были сделаны, и на них все раны зарастали моментально.

– Но ты же понимаешь, что теоретически нет никаких запретов на создание белкового Голема, и как тогда?

– Ну, если он вообще ничем неотличим, то и не нужно никаких проверок, пусть себе живёт на равных, имеет свой персональный паспорт и ездит по нему в Маскву.

– Понимаешь, он неотличим в настоящем, а вот предыстория у него другая. И поэтому он может быть и непредсказуем в будущем. Переменит у него по каким-то причинам его искусственный интеллект, он и шархнет по Маскве ядерной бомбой.

– Да это и не искусственный интеллект переменить может...

– А к тому же у него, быть может, и души-то нет?

– Ты знаешь, я где-то читал, что душа и у людей-то не у всех есть. Типа у некоторых она уже родилась, у кого-то лишь в зачаточном состоянии, а у кого-то и в проекте-то нет.

– А другие философы уверяют, что душа есть не только у людей, но и у зверей также.

– Да ну её... Тут уж нам точно не разобраться! Душа это некая вещь в себе, категория странной размытости и загадочности. Ты лучше скажи, что же нам со свидетельствами делать?

– Нужно, чтобы кто-то авторитетный и уж точно не иллюзорный засвидетельствовал, что мы существуем, понятно?

– Где же нам его взять?

– То-то и оно. Может, Коляну поверят? У Коляна же и паспорт есть! Значит, его уже кто-то засвидетельствовал, как реальность, значит, и он уже может свидетельствовать!

– Дураки вы оба картонные и окончателные. Там всё гораздо проще. Там им бумажка нужна, ну корочки такие, где прописано, что ты Минька Горький родился тогда-то и там-то. У бабушки спроси, у неё где-нибудь есть, наверное.

– Что же бумажке больше веры, чем реальному человеку?

– Конечно, больше, человек и обмануть может, а бумага она вещь бескорыстная, и в обмане не заинтересованная.

– Так ведь бумага – это уже вторая производная, её же тоже человек делал, а он мог быть в чём-то заинтересован, а уж подделать бумагу, по-моему, гораздо проще, чем подделать человека.

– Наплюй. Считай это установившимся законом природы.

– Глупый какой-то закон.

– Закон не может быть глупым, он вещь, так сказать, безмозглая.

– Ну, тогда глупый тот, кто такие законы создаёт...

– А может, ну его на фиг, этот паспорт! Жили же как-то без него. Канаву вот копали...

– А как же Масква? В Маскве тебя без паспорта каждый милиционер будет дубинкой бить и деньги отбирать.

– И Маскву эту – на фиг.

8. Поиски свидетельств

Поиски свидетельств оказались долгой и весьма непростой задачей. Ведь для этого бабушки должны были перерыть все комоды, постоянно натываясь на старые письма, открытки, фотографии, при этом вспоминая, причитывая, рассказывая:

«Вот это, Лёнька, твоя мама и её брат – твой дядя. Озорной он был у меня, шалу-ун. Пошли мы как-то с ними в магазин зимой, а мороз-то, мороз-то был, наверное, градусов 30! Подошли мы. Я их у входа оставила санки сторожить, а сама-то в магазин зашла. Вот Колька возьми и скажи твоей маме, ей тогда, наверное, лет восемь было: „А что, Ирка, слабо тебе железную скобу лизнуть?“. Она, знамо дело, не слабо. Выхожу я, батюшки светы! Стоит твоя мамка с высунутым языком, к скобе, бедолага, примёрзла».

«А это, Минька, твой двоюродный дедушка, брат мой Михаил, в честь него-то тебя и назвали. Ох, и умный стрелец был, ох и умный! Семь годовиков-то ему от роду было, а он у нас радио в деревне провёл!!! Тогда-то радио оно знаешь, какое было? Ну, сковорода такая на столбе, ага. А в войну-то он лётчиком был, ага. Его немцы-то на самолёте подбили. Читал про лётчика Маресьева „Повесть о настоящем человеке“, как он по лесу полз, шишками питался и все ноги себе поотморозил? Вот и дядя твой почти так же, ноги, правда, не отморозил и шишки не ел. У него пистолет был, а в лесах тогда дичи было, это не то, что теперь, ага. Ну да, всё так, как у Маресьева, только, когда он выбрался, ему, конечно, никакого героя не дали, а наоборот, посадили в тюрьму. А как же? Был на оккупированной врагом территории! А стало быть, мог быть завербован фашистской разведкой!»

– А это, Лёнька, твой троюродный брат. Виталька. Хороший был парень! Музыкант. У него слух был абсолютный. Да вот только спился он, бедняга. У них же, у музыкантов, как отыграют, потом банкет-фуршет, отметить бы не мешало, так и затянуло его проклятушее болото-то. Однажды попал он в хороший ансамбль, и деньги там приличные были, и начальник у них был ого-го, строгий. Сам ни-ни, зашился, и другим не позволял баловаться. Другие-то вроде и ничего, притерпелись, а Виталька никак, у него уже организм без заразы этой не мог. Так он в ту пору будильник на шесть утра ставил, чтобы выпить, ага, проснётся он по будильнику, достанет бутылку, выпьет стакан, а то и два, сигаретку выкурит, в окошко посмотрит, да и ложится досыпать, а как же? В два часа у них репетиция, надо быть в форме, вечером концерт, опять же нельзя пьяным-то. А после концерта уже и сил-то нет, ну на ночь-то он, конечно, тоже стаканчик и опять будильник на шесть, чтобы не проспять утреннюю выпивку-то. Вот оно как, Лёнька. А под конец-то совсем уж пропащим стал, пособие какое-то получал, да и пропивал его тут же. Я его кормила. Вот он мне как-то и говорит: «Баба Шур, ты меня лучше не корми сегодня, а дай мне сто рублей, мне выпить во-от так нужно, а не дашь, так я пойду, украду у кого-нибудь». Так что ты, Лёнька, смотри у меня, не смей к енттой заразе и близко подходить, она, сволочь, хитрая, затянет в омут и не заметишь, как...

– Да, я, баушка, понимаю, не маленький, чай...

– А это, Лёнька, твой отец. Вот уж кто настоящий-то был человек! Никаких электроприборов, кроме света, не признавал. Всю жизнь брился опасной, острее острого бритвой! Принимал ледяной душ и потом молот себе кофе на ручной меленке. Выпивал чашку крепчайшего кофе, запивал стаканом белого вина (вот и весь его завтрак) и садился работать, кроме белого вина, он ничего не пил и того в меру, 3-4 стакана в день. Так-то, как он – это можно, только так как он – не все могут. Он у тебя, Лёнька, поэт был! Настоящий! Не тебе шалопуту чета! Вот как-то пришли к нам в гости пионеры, тебя-то тогда ещё и на свете-то не было, и спрашивают: «Андрей Васильевич, скажите, а как Вы стихи пишете?». А он и говорит: «Да я ребята не знаю, я их чаще не пишу, а просто записываю, вот вдруг в голове, словно облако какое промелькнуло, я его отжимаю и вытряхиваю слова, как капли на бумагу, а потом и сам на эти слова начинаю равняться. Так что выходит, не я их пишу, а наоборот, они всей моей жизнью верховодят...».

– А я что же, ба, тоже его стихотворенье?

– Конечно, только не успел он тебя дописать. Один заголовок придумал да, быть может, ещё первую строку. Так что придётся тебе, Лёнька, самому это стихотворенье дописывать.

– А вот это, Минька, твоя мама. Она вечно вся в краске была. Когда картины писала, то ни о чём не думала, поесть забывала, чаю выпить. Твой отец как-то в шутку попросил дать ему уроки живописи, а мама твоя всерьёз восприняла и стала его учить, вот день они учатся, другой. А потом мама твоя и говорит: «Нет, Саша, не выйдет из тебя живописца, ты краски боишься, ты всё время боишься испачкать руки».

– А вот это, Лёнька, мы с твоими мамой и папой в Маскве на Красной площади.

– В Маскве?!!!

– Да, в Маскве. Они здесь только что поженились и ходили в мавзолей без очереди.

– В какой мавзолей?

– Ну, в Маскве. Есть мавзолей. Там лежит Ленин, ну вернее, не он сам, а его мумия. И раньше на эту мумию все хотели посмотреть, приезжали туда с первым метро и занимали очередь в шесть утра, чтобы успеть на мумию хоть одним глазом взглянуть, потому что

пускали смотреть только с девяти и до часу дня, а потом ни-ни. Вот на мумию Аменхотепа в музее Пушкина можно было смотреть хоть круглые сутки, и никаких очередей к ней не было, а с мумией Ленина всё гораздо сложнее было. Так вот, молодожёнов пускали к мумии без очереди, и твоей маме очень уж хотелось на неё посмотреть. Отец-то твой говорил, ну что за глупости, начинать семейную жизнь с созерцания трупа? А мама сказала, что наша жизнь лишь подготовка к смерти, и нужно помнить об этом и не бояться жить и умирать. Тогда твой папа и согласился. Вот здесь-то мы и стоим, как раз только что из мавзолея.

– Ба, а какая она, Масква?

– Да, ну Лёнька, ничего там хорошего нет. Шум, гам, толчея и дороги солёные.

– Как солёные? Почему?

– Да ну их, с жиру бесятся. Лёд солью посыпают, чтобы не скользко было и чтобы люди чаще ботинки меняли.

– Почему чаще?

– Так, ить, ботинки-то от соли сгорают!

– А что же у них там песка, что ли, нету?

– Не знаю, Лёнька, нету, наверное, а может, это происки обувной фабрики.

9. В ожидании паспорта

Наконец свидетельства о рождении были найдены. И как-то вдруг оказалось, что Минька уже не совсем Минька, а уже отчасти Михаил Александрович, а Лёнька – тот и вовсе Леонид Андреевич. И дело, как говорится, сдвинулось с мёртвой точки. И всё-таки оказалось оно весьма волокитным и хлопотным, ведь сначала нужно было отпроситься с работы (благо бескорыстный Колян безропотно отпускал своих друзей и мужественно в одиночестве сторожил канаву и лопаты), потом выстоять очередь в паспортном столе, выяснить, что нужно заплатить пошлину в сберкассе, собрать деньги на эту пошлину, выстоять очередь, заполнить бланк, три раза ошибаться и переписывать, вернуться в стол, выяснить, что нужна справка из ЖЭКа, неделю ходить в ЖЭК, пытаться застать нужного человека, опять очередь в паспортном столе, и, наконец-то, всё сдано и нужно просто ждать всего лишь месяц, когда же паспорт всё-таки изготовят.

В ожидании паспорта Лёнька пил только белое вино и не более четырёх стаканов. Колян утверждал, что водка тоже белая, на что Минька возражал, какая же она белая, если она прозрачная? А Колян говорил, что и его белое скорее жёлтое и по цвету напоминает мочу... И, конечно же, в период ожидания много было разных дискуссий и споров, но не все удалось воссоздать, поэтому я приведу лишь некоторые диалоги из того периода.

– Вот я читал у одного дядьки, его звали Бааль Суллам, что все мы якобы стремимся эксплуатировать других людей ради своей личной выгоды, кто-то ради богатства, кто-то ради власти, кто-то ради почестей и славы, и, мол, если так будет продолжаться, то мир рухнет и мы пожрём друг друга, подобно тому, как раковые клетки пожирают другие ради своей выгоды, ну а потом и гибнут вместе со всем организмом. И он говорит, что нужно радоваться, когда другому хорошо, и помогать ему сделать хорошо. И я вот всё думал: радуюсь я или нет, когда например, тебе или Лёньке хорошо, и как мне помочь, чтобы вам стало хорошо?

– Ты, Колян, нам здорово помог, вот паспорта получим и тогда уж точно в Маскву двинем.

– Так-то оно, так. Да вот только бескорыстно ли я помогал? Ведь мне-то, как и вам, в Маскву охота, только без вас-то мне боязно. Вот я и радуюсь за вас, но при этом радость-то моя небескорыстна!

– Твой Бааль Суллам – человек мудрый, я его тоже читал.

И он, кстати, нигде не говорит о бескорыстной радости! Он говорит как раз о том, что нужно постичь простую истину, помогая другим, ты тем самым помогаешь себе. Нужно осознать, что все мы части единого организма и все связаны в некоем едином духовно-энергетическом поле.

– Ну, я не знаю? Мне иногда бывает обидно, если Колянчик при разливе меня обделит.

– Вот ты и изживи в себе обиду эту, дурилка стеклянная. Ты пойми, он ведь не со зла это и не из жадности, просто рука у него дрогнула, а дрогнула она, возможно, из-за определённых колебаний в этом едином поле...

– Дрогнула, блин. Лучше бы она в другую сторону дрогнула.

– Да, ты пойми, Минька, им поле руководило. И может быть, именно ты (твоя душа) пустила невидимый посыл к переделу портвейна именно в эту сторону, пытаясь добиться когерентности двух или трёх сознаний.

– Ну, я не знаю, может ты и прав? Я вот иногда думаю, а чего тебе, Минька Горький, хочется? Чего ты ждёшь от этой жизни? Мне, конечно, богатства хочется, но не так, чтобы ради него на большую дорогу идти. Власти? Да, пожалуй, что нет. Почестей? Ну, конечно, приятно, если кто-то из вас мою картину похвалит, но это так, тщета всё. Мне свободы хочется, хочется как-то к сердцу мира пробраться или, например, в Маскву...

– Про сердце мира понятно. Это, по Бааль Суламу, высшее из желаний – желание знания. А вот насчёт Масквы у меня появились определённые сомнения. Там, говорят, мумии на каждом шагу и дороги солёные.

– Как мумии? Почему солёные? – хором воскликнули Минька и Колян.

– А вот так! Во-первых, там есть мумия фараона Аменхотепа, а во-вторых, в самом центре Масквы стоит специальный мавзолей, в котором лежит мумия вождя мирового пролетариата товарища Ленина. Мумия эта всех околдовала, и люди часами стоят в очередях, чтобы ей поклониться, и только новобрачных пускают к ней без очереди...

– Ерунда. Это было давным-давно, ещё в прошлом веке. Тогда да. А сейчас, я читал, что её чары сильно ослабли и что её, вообще собираются вытащить и похоронить по-нашему – по-христиански.

– А ты знаешь, что мумии иногда возвращаются?

– Это ты Лёнька глупых фильмов посмотрелся, нельзя всему верить, что в кино показывают.

– Но ведь и нельзя что-то выдумать, чего быть не может? При определённом стечении обстоятельств и под воздействием изначального замысла вселенная может прогибаться и видоизменяться под этот замысел.

– Меня другое волнует. Вот если, к примеру, научишься радоваться за каждого другого, тогда ведь придётся и страдать за него же! А поскольку сострадание другому более привычно человеку, чем радование за него, то это самое сострадание раздуется до безумных размеров, и получится у нас полный мир безмерно страдающего человечества!

– Страдание и есть жизнь, как же без страдания-то? Это ещё Фёдор Михайлович утверждал!

– Достал ты со своим Фёдором Михалычем, Минька. Мир создан для радости, ясно! Нужно просто научиться видеть её в облаках, пролетающих мимо, в луче солнца, пробившемся сквозь тучи, в пении птиц, в дожде и ветре...

– Да это-то оно понятно. Явлениям природы радоваться легко и просто, а как мне радоваться, например, за того масквича, которому пиво прямо из Интернета в холодильник поступает?

– Почему же тебе бы и не порадоваться столь удивительному явлению?

– Как почему?! Ты что совсем тупой, что ли. Если у него будет столько пива, то он сопьётся на фиг! И будет потом водку пить по будильнику и у бабушки последние сто рублей на водку кланчить.

– Это ты так скоро скажешь, что и мы скоро сопьёмся!

– Вы не знаю, а я теперь буду только белое вино пить и только четыре стакана в день. Так все настоящие поэты делали, кроме Шиллера, потому как у него много денег было, и он пил исключительно шампанское. Поставит ноги в тазик со льдом, вдует бутылку шампанского и давай строчить свои бессмертные поэмы.

– А ноги-то в лёд зачем?

– А это, Минька, чтобы кровь к голове прилиwała.

– А хорошо бы сейчас шампанского выпить, поставить ноги в тазик со льдом и стихи писать!

– А что и очень даже просто...

Далее нужно представить себе такую сюрреалистическую картину: за грубым дощатым столом, в старом потёртом ватнике сидит взъерошенный Лёнька. Перед ним бутылка шампанского и лист бумаги. Босые ноги опущены в убитый жестяной тазик, куда набросан небольшой сугробчик грязноватого снега. Лёнька наливает себе шампанского в алюминиевую кружку, неспешно выпивает и начинает выводить

на листе бумаги какие-то каракульки. Если бы мы могли из плоскости листа выскользнуть в видео-пространство, то наехавшая камера смогла бы высветить следующее:

*Когда строка приходит невпопад,
Когда слова сливаются с ветрами.
И рифмы нарушает снегопад,
И белый снег сугробится стихами,*

*И ты живёшь. И можешь вновь писать.
Низать слова на острия снежинок.
И сможешь сделать, срезать, передать
Внезапной вечности её мгновенный снимок.*

10. Приготовления

Наконец, новенькие паспорта с пучеглазыми фотографиями были получены. И начались долгие и тщательные приготовления к поездке в Маскву.

– Вот, допустим, выходим. Приехали мы в Маскву, – тренировал своих друзей Колянч, – только приехали и тут же к нам подходит милицанер.

– А как мы узнаем, что это милицанер?

– Ну, во-первых, у него должна быть круглая морда, заплывшие пороссячи глазки, потные руки и наглый взгляд. Во-вторых, у него должна быть специальная резиновая дубинка. В-третьих, он будет одет во всё серое, а в-четвёртых, у него должно быть специальное красное удостоверение, понятно? Так вот подходит к вам милицанер и говорит: «Предъявите документы!»

Минька и Лёнька начинают судорожно рыться в карманах и вскоре вытаскивают аккуратно обёрнутые в газету (на манер школьных тетрадей) паспорта.

– Тэ-эк-тэк-тэк! – важничает Колянч. – Что-то вы здесь на себя не очень похожи!

Минька и Лёнька изо всех сил таращат глаза, чтобы стать похожими на свои фото в паспорте.

– Это мы, дяденька...

– Какой я тебе дяденька!??

– Это мы товарищ мили... – не на шутку пугается Лёнька.

– Товарищ! Я тебе покажу товарищ! Тамбовский кот тебе товарищ!

– Простите, господин милицанер, это мы в фотографии так глаза выпучили, потому как боялись моргнуть и получиться слепыми, – выправляет дело Минька.

– Ну ладно, – успокаивается милицанер-Колян, – теперь вроде похожи, и куда же вы путь держите, господин Горький и господин Веселов?

– Да мы это, нам вообще-то на Горбат нужно, но сначала в магазин «Детский мир» матрёшку купить, а ещё нам хотелось бы на живую мумию посмотреть.

– Понятно, – говорит Колян, – значит, тэ-эк: три квартала на восток, потом два на север и будет вам «Детский мир». Потом шесть кварталов на юг, это аккурат – Горбат, а потом три квартала на восток – увидите Красную площадь, там и найдёте мумию.

После чего низко кланяется, желает им доброго пути и удовлетворённо шмыгает носом.

– А вот скажи, Колянчик, почему это многие начинают обижаться, если их называют «тётенка» или «дяденька»? Как нам вообще к людям обращаться в Маскве-то?

– Сложный вопрос. В Красногорске-то понятно: ко всем женщинам от 8 до 90 – девушка, ко всем мужикам от 8 до 50 – старик, а после 50 – отец. К малышам меньше 8, понятное дело, пацан и пацанка, а вот в Маскве – не знаю. Я думаю, лучше всего «господин» и «госпожа», а иначе можно и в морду схлопотать.

После долгих выяснений о способах добора решили ехать на маршрутном такси № 566 и сесть в него для гарантии на конечной остановке «Чернево».

Я думаю, что пытливому читателю будет любопытно узнать, что же содержали рюкзаки отважных путешественников. Поэтому предоставляю приблизительный реестр:

хлеб чёрный (Красногорский) – 1 буханка;

папиросы «Беломорканал» – 6 пачек;

лук репчатый – 4 головки;

пирожки с капустой (сэкономленные Лёнкой за ужином) – 3 штуки;

соль крупного помола – 2 спичечных коробка;

водка «Завалинка» – 1 литровая солдатская фляжка + 1 четвертинка;

белое вино «Совиньон» (для Лёнки) – 1 бутылка;

алюминиевая кружка – 3 штуки;

спички (Балабановская ф-ка) – 7 коробков;

сало солёное (прихваченное Минькой из холодильника) – 500 г;

корюшка, копчёная в масле – 2 банки;

лещ, обжаренный в томатном соусе – 2 банки;

сырок плавленый «Волна» – 3 штуки;

яйцо варёное вкрутую – 6 штук;

нож перочинный – 3 штуки;

запасные носки – 3 пары;

а также: компас, ученическая тетрадь в клеточку, простой карандаш, самодельный мольберт, акварельные краски «Нева», кисточки, полевой бинокль, электрический фонарик, йод, лейкопластырь, бинт, солнечные очки и, наконец, 300 рублей денег на дорожные расходы и на покупку матрёшки.

11. В путь (маршрутка № 566)

Итак, весенним субботним утром наши друзья, отстояв небольшую очередь, погрузились на заднее сидение маршрутного такси № 566. Лёнька, читавший, подобно Сервантесу, всё подряд, выяснил из многочисленных объявлений, что проезд стоит 25 рублей, что остановок «Тута» и «Здесья» – нет, что им достался глухой водитель и что про остановки нужно говорить заранее, громко и чётко. После чего, решив, что водитель не совсем глухой, а просто глуховат, Лёнька завопил истошным голосом: «Господин дяденька водитель, нам, пожалуйста, в Маскве остановите!!!»

– Чо, ты орёшь, как ненормальный? Что я – глухой, что ли? – спросил водитель. – Масква большая, где вам в Маскве-то?

– Нам, дя.. то есть господин водитель, на Горбат нужно, но сначала в «Детский мир» матрёшку для Коляныча купить.

– Понятно. До Тушино, значит. Тушино – конечная, так что можете больше не орать.

Ласково пригревало весеннее солнышко. Виляя и торкаясь во все дырки, мчалась маршрутка, учащенно стучали сердца путешественников, от волнения очень хотелось курить.

– Как ты думаешь, Коляныч, а тут курить можно? – поинтересовался Минька.

– Да водитель курит вроде. Я думаю, что если окошко приоткрыть, то в окошко по очереди можно.

– Я вам покурю, оборванцы! – тут же взвилась дородная соседка в фиолетовой куртке. – Совсем совесть потеряли, не хватало, чтобы ещё в маршрутках курить начали!

– Да мы, госпожа тётенька, так. Мы ничего, мы в окошко хотели, а то шибко волнуемся.

– И чего же вы это так шибко волнуетесь-то? – смягчилась после «госпожи», хотя и «тётеньки», дородная соседка.

– Дык, ить как же? Ведь всё-таки в Маскву едем!

– Ну и что? Каждый день туда ездим! Что же теперь, прямо тут курить, что ли?

– Каждый день!!! Вот здорово!!! А мы, госпожа тётенька. в первый раз.

– Да, ну? – совсем смягчилась соседка, а остальные пассажиры стали с любопытством поглядывать на странную тройцу. – Вы, что же, из деревни приехали?

– Почему из деревни? Мы из Красногорска. Красногорск – большой город. Мы там канаву копаем.

– Да все мы из Красногорска, да тут же до Масквы-то рукой подать! Что же вы раньше-то не ездили?

– Да у нас, госпожа тётенька, паспортов не было, и поэтому мы шибко милицанеров боялись.

– Вы чо, гастрбайтеры, что ли?

– Гастрбайтеры? Почему гастрбайтеры? Мы, госпожа тётенька, землекопы.

– Ну уж, как будто землекопы не могут быть гастрбайтерами.

– Наверное, могут. Землекопом вообще кто угодно может быть, но тут, госпожа тётенька, главное не торопиться. Ведь можно и просто канаву копать, а можно, так сказать, погрузиться в копание канавы, и тогда это может получиться не просто канава, а самая настоящая канава канав. Вот у писателя Шаламова даже рассказ такой есть «Артист лопаты», так там один зэк сильно ловко копать умел.

– Чудные вы, – окончательно смягчилась соседка, – только курить всё равно не положено! Тем более, что почти что уже и приехали.

– Как приехали? – тут же заволновались герои. – Что, уже Масква? А как же МКАД, ну эта аграничительная дорога?

– Да всё уж МКАД давно проехали. Вот сейчас повернём, и уже будет Тушино.

– А где же Горбат? «Детский мир»?

– «Детский мир» – это вам до Кузнецкого моста, а Горбат так и будет станция «Горбатская».

12. Несостоявшийся привал (Тушино)

Вокруг сновало в совершенно разные стороны невообразимое количество людей, машин и собак, и от этого столпотворения у наших героев совсем закружилась голова.

– Неужели же мы в Маскве! – радостно воскликнул Лёнька.

– Очевидно, в Маскве, – отозвался обстоятельный Колян, – нужно сказать, хорошо бы нам привал сделать и наметить, так сказать, маршрут.

– Да уж, пожалуй – согласился со всеми Минька.

Они уютно устроились неподалёку от железнодорожной насыпи, соорудив из брошенных ящиков подобие стола и стульев. На аккуратно расстеленной газете аппетитно покоилась банка копчёной корюшки, несколько розовых ломтиков вкусно пахнущего чесночком сала, пирожки с капустой, три яйца, хлеб, коробок с солью, разрезанная на четыре части головка лука, четвертинка «Завалинки» и бутылка сухого вина «Совиньон». И уже герои наши застыли в предвкушении трапезы, и уже Колянч плеснул по жестяным кружкам вино и водку, и уже восторженный Лёнька хотел сказать «За путешествия», как вдруг неизвестно откуда, буквально из-под земли возник милиционер!!! Он был точно таким, как и описывал Колянч: круглая морда, заплывшие поросячьи глазки, наглый взгляд, одет в серое пальто и серые брюки, с красным удостоверением, но, правда, без дубинки. И последнее несколько успокаивало.

– Распиваем?! – строго спросил милиционер.

– Мы, господин милиционер, ещё только налили, присаживайтесь к нашему столу, угощайтесь, – простодушно предложил Лёнька.

Милиционер не обратил на приглашение никакого внимания и строго резюмировал:

– Раз налито, значит распиваем. Папрасу ваши документики.

Нервно роясь в карманах, трое отважных путешественников, наконец-то извлекли документы, Лёнька с Минькой при этом старательно таращили глаза. Милиционер открыл паспорта, бегло их пролистнул и сказал:

– Ну, и как, граждане Веселов, Горький и Кислов, в отделение пойдём или на месте штраф заплатите?

– За что же штраф-то, господин дяденька милиционер? У нас же вот и паспорта есть, и прописка там есть...

– Ты мне Ваньку-то не валяй. За распитие спиртных напитков в общественном месте, статья 48 Административного кодекса.

– То есть, п-п-простите, за что? За ра-распитие? – Минька от удивления стал даже заикаться

– За распитие, за распитие.

– А что разве нельзя? А здесь разве общественное место? Люди-то вон они где. А где же тогда необщественное? Да мы и не распили ещё. А почему нельзя-то? – зататорил Лёнька.

– Отвечаю по пунктам: нарушаете общественный порядок. И мешаете мирному населению города. Можно только дома или в специально отведённых для этого местах – кафе, ресторанах, барах. А улица – это место общественное, понятно.

– Вот это да! – поразился Колян. – А вот интересно, была ли такая статья в Римском праве? Вряд ли. Римляне любили трапезничать под открытым небом. Если бы такая статья была, то, наверное, и Платонова диалога «Пир» не возникло бы, да и других бы диалогов не возникло.

– Умные, да? Бичи*, что ли? Ладно, собирайтесь, в отделении умничать будете!

– Погодите, погодите, господин, это, милиционер, как же в отделение-то? Нам на Горбат нужно и в «Детский мир». Может быть, мы это, ну как его, штраф вам заплатим, – заволновался Лёнька.

– Можно и на месте, – согласился милиционер, – расценки знаете?

– Нет, дяденька милиционер, никак не знаем? Мы, дяденька, первый раз в Маскве-то!

– Понятно. Ну, незнание законов не освобождает от ответственности. За подобное правонарушение полагается штраф в размере двадцати минимальных зарплат, что соответствует одной тысяче шестистам рублям, но поскольку вы проявили сознательность и полностью раскаиваетесь в содеянном, то достаточно будет уплатить одну тысячу рублей.

– Ск-кок-кок-колько? – тут же раззаикался Минька.

– Мы, дяденька милиционер, полностью раскаиваемся в содеянном, которое, к сожалению, ещё не было содеяно, но только у нас таких денег нету.

* БИЧ – бывший интеллигентный человек.

Такие деньжищи только в зарплату бывают, а зарплата у нас уже давно была, так что тысячи рублей, ну никак нету, – залепетал Лёнька.

– Ладно, шут с вами, я сегодня добрый. Сколько у вас есть?

– У нас, это, было 300 рублей. 75 – мы потратили на дорогу, 75 нам нужно на обратную дорогу, потому как вдруг мы на Горбате ничего не заработаем? Да ещё 100 рублей нужно на матрёшку, 30 нужно ещё на всякий случай, получается, мы можем заплатить 20 рублей.

– Да вы что, издеваетесь! – рассвирепел милиционер.

– Ну, хорошо, хорошо 30, больше никак не можем.

– Так, всё, пакуйте манатки и в отделение.

– А в отделение чего, простите? – поинтересовался до этого тупо молчавший Колян.

– В отделение милиции № 45, родной! И там уж с вами будут по-другому разговаривать! Там вас научат родину любить!!!

– Господин дяденька милиционер, а выпить-то нам уже тогда можно, если мы уже вроде как и нарушили, хотя и не успели?

– Ладно, шут с вами, я сегодня и вправду очень добрый. Давайте ваши двести рублей, быстро допивайте, и пулей отсюда!

– Что будем делать, Колянчик? Может, фиг с ней с твоей матрёшкой-то, а? А на Горбате денег заработаем, тогда и купим, а?

И совсем уже было наши герои распрощались со своими деньгами, как вдруг откуда-то появился ещё один милиционер. Правда, хотя он и был с дубинкой и одет был в серую форму с погонами, но был отнюдь не мордатый, и взгляд имел хотя и строгий, но вполне осмысленный. Причём первый милиционер как-то очень быстро занервничал, заелозил, попятился и вдруг чуть ли не кубарем пустился наутёк.

– Сержант милиции Галочкин, – представился новый милиционер. – Что у вас тут происходит, ребята? – неожиданно тепло спросил сержант и улыбнулся.

– Да мы тут, это, господин сержант Галочкин, распивали, то есть ещё не успели, но собирались распить спиртные напитки в общественном месте, – растерянно отрапортовал Лёнька.

– Понятно, – снова улыбнулся Галочкин, – а этот гусь чего от вас хотел?

– А этот гусь-милиционер сказал, что мы нарушили статью 48 Административного кодекса и хотел получить с нас штраф.

– Вот ведь, жучара! – разозлился Галочкин. – Понакупят корочек липовых! Терпеть ненавижу таких жучар! Нарушить вы, конечно, нарушили, только не статью конечно, а указ. Ладно, выпивайте по-быстро-му и собирайтесь, а то ведь действительно не положено.

– Может и вы с нами, господин сержант?

– Да что ты заладил, господин, господин. Какой я тебе господин?

Меня, между прочим, Витя зовут. Я бы ребята с радостью, да только мне-то уж тем более не положено, да и к тому же я на службе.

– Лёнька, – представился Лёнька и протянул для пожатия руку.

– Колян.

– Минька, – представились и остальные герои.

– Чем-то вы мне симпатичны, чертяги. Ну, что у меня через 10 минут дежурство заканчивается, может, ко мне заглянем?

– В отделение?

– Ну, зачем в отделение. Я тут неподалёку живу, на Стратонавтов.

13. Состоявшийся привал (ул. Стратонавтов, 12)

Побывать в квартире у настоящего МАСКВИЧА, да ещё и милицанера!!! Увидеть, как в холодильник поступает отцифрованное пиво и другие полезные продукты!!! Об этом наши герои даже и не мечтали, но ведь все путешествия полны неожиданностей, и как раз в этом и есть одна из их основных прелестей.

Но квартира оказалась самой что ни на есть обыкновенной. На кухне урчал древний холодильник «Ока», в котором, конечно, была колбаса и селёдка и даже початая бутылка водки, но никакого беспросветного количества пива не наблюдалось. Сержант Витя быстро вытащил всё нехитрое содержимое холодильника на стол, поставил на плиту чайник и, разлив по рюмкам водку, радушно пригласил гостей к столу.

– Давайте, ребята, за знакомство!

После всех «Эхов», «Уфиф» и «Ахах» начал потихоньку, исподволь выстраиваться и вполне правильный разговор.

– А что, Витя, – поинтересовался любознательный Лёнька, – ты по Интернету можешь, например, пиво заказать?

– Ты чо, пива, что-ль, хочешь?

– Я-то? Не-е, я вообще-то пиво не очень. Мне просто так интересно.

– Да могу, конечно, только это такая бодяга. Куда проще спуститься вниз, да и купить в киоске, чо себе жизнь-то усложнять?

– Здорово! В киоске-то оно, конечно, надёжнее, да и пиво там как-никак настоящее.

– Пиво, да! Пиво у нас вроде как пока не подделывают. Водки, той, конечно, палёной навалом, и минералки, а пиво – там овчинка выделки не стоит. Ну, давайте ещё по одной.

.....

– Ох, хорошо пошла! Хорошие вы ребята, только надо осторожнее быть, этой шушары тут на каждом шагу. И среди левых ментов, да и среди настоящих навалом.

– А что, Витя, трудно оно милицанером-то работать? – поинтересовался Минька.

– Не то слово! Я ведь чо в милицию-то пошёл. Доказать хотел! У меня отец академик и мама тоже не последнее место в обществе занимает. Они, конечно, хотели, чтобы я там учился, туда-сюда научная карьера, по стопам отца. Ну, отучился я, ну не интересно мне возиться в этой топологической теории, чего я там не видел. И я решил: уйду на самую что ни на есть противную работу. Докажу, что не место крапит человека, а человек место! Ведь изначально-то милиция задумывалась, как система защиты и охраны мирных граждан от швали всякой!

Но у нас как всегда правая ноздря не знает, что делает левая. Всё с ног на голову перевернулось, и теперь милиция, грубо говоря, занимается тем, что просто грабит тех, у кого что-то не в порядке. У кого звание поменьше, те на улицах и на дорогах промышляют, а у кого повыше, те, соответственно, побогаче нарушителей грабят, иногда, конечно, и защитят кого-нибудь мимоходом, но это так, по случаю, если уж деваться некуда. А я решил – к чёрту! Я буду правильным (или наоборот неправильным) милиционером. Чем смогу, тем и буду людям помогать. Только это тяжело безумно. Не-е, помогать-то как раз легко и радостно, а тяжело с другими ментами общаться, они же меня за малахольного держат!

– Да брось ты, Витя, эту милицию, приходи лучше к нам, будешь с нами землю копать, очень я тебе скажу душеполезное занятие, правда, не сейчас. Сейчас нам немного некогда. Нам на Горбат нужно и ещё в «Детский мир» матрёшку купить и ещё хорошо бы на мумию посмотреть.

– На какую мумию?

– Ну, мне это бабушка рассказывала, что у вас тут есть такая Красная площадь, а на ней самый что ни на есть настоящий мавзолей, а в нём лежит мумия фараона мирового пролетариата товарища Ленина. И всех новобранцев туда пускают безо всякой очереди, чтобы они могли как следует подготовиться к смерти.

– Ну, вы даёте, – весело засмеялся Витя, – какой же Ленин фараон? Да и очередей сейчас туда нет никаких. Да-а-а, пожалуй, нельзя вас одних на Горбат-то пускать. Пропадёте к чертям собачим. Ладно, у меня завтра выходной – вместе поедем. А матрёшку, матрёшку я вам подарю.

Милиционер Виктор Галочкин уснул мгновенно, так и не успев снять до конца второй носок. Так засыпают беззаботные дети, и все те, у кого чистой совести гораздо больше, чем грязных денег.

А вот наши герои ещё долго ворочались на полу холостяцкой Витиной квартиры, переживая дневные события и обсуждая дальнейшие планы. Из их обрывистых и путаных разговоров на страницы нашей повести осело нижеследующее:

– Вот как, тут у них в Маскве-то всё устроено.

– Тесновато, конечно...

– А народищу-то, народищу, ты видел сколько!

– Ага. И все куда-то торопятся. Бегут...

– Да не-е. Вон милиционер Витя никуда не бежал.

– У них тут и дышится как-то скуднее.

– Это потому как народу много. А много народу превращается из отдельных личностей в толпу. В массу. И ими уже руководит массовое сознание, как у муравьёв: хочешь, не хочешь – а бежать надо, а кто не бежит, тот как бы сходит с корабля современности и остаётся в болоте прошлого.

– Почему же сразу в болоте? Я бы сказал, что кто-то (ну, избранные) сходит с корабля, везущего непонятно куда, и плывёт на своей углой лодочке в нужную сторону.

– Кем избранные?

– Ну, это так говорится: тот, кто не такой, как все, кто неподвластен законам масс, тот – избранный.

– Мне кажется, всё это самомнение. Можно, конечно, воображать себя выше всех, а самому быть нолём без хвостика.

– Да, не-е, Ортега и Гассет говорили, что избранные это не те, кто ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно...

– А ты видел, сколько тут киосков!!!

– Да, пожалуй, все обойти и дня не хватит.

– Ладно, давайте спать, а то завтра день-то трудный будет. Хорошо, хоть Витя матрёшку подарить обещался.

14. Под Землёй (Тушино – Иные станции)

После короткого завтрака из четырёх бутербродов с сыром и четырёх стаканов кофе наши герои, сопровождаемые милиционером Витей Галочкиным, двинулись навстречу новым приключениям. На входе в метро толпилась утренняя куча народу, который шустро пихал какие-то картонки в странные щёлочки и ловко бежал к самодвижущейся лестнице. Витя, о чём-то пошептался с женщиной в форме, показал ей своё милицейское удостоверение и провёл всех мимо стеклянной будки прямо к лесенке, уносящей людей в настоящее подземелье. Герои оторопело переминались с ноги на ногу, не решаясь доверить свою жизнь механической гусенице. Сзади стала подпирать толпа, и Лёнька, отчаянно махнув рукой, отважно схватился за поручень, но оказалось, что ноги не успели сообразить то, что сделали руки, и продолжали твёрдо стоять перед входом на эскалатор. В результате несогласованных действий различных частей тела Лёньку сильно дёрнуло, перевернуло и обрушило на катящиеся вниз резиновые ступени. Женщина в стеклянной будке пронзительно засвистела, нажала какую-то ручку, и механический монстр послушно остановился.

– Зальют с утра зенки-то и на ногах не стоят! – вопила какая-то толстуха в розовом пальто. – Правильно говорят, нечего таких в метро запускать.

Возникла небольшая суматоха, и если бы не Витя, то ещё непонятно чем бы дело кончилось.

И лишь благодаря милиционеру Вите, железной воле и твёрдому разуму наши герои всё-таки оказались на платформе. И тут же раздавался оглушительный гул, из тоннеля вырвался снап света, и к героям подкатил голубой поезд с бирюзовой крышей. Двери распахнулись сами собой, и наша троица, подталкиваемая Витей, отважно шагнула внутрь вагона. Витя сказал, что нужно ехать до Кузнецкого моста, где они таки забегут в «Детский мир» за матрёшкой, так как в утренней суете и сборах он о ней забыл напрочь.

Человек ко всему привыкает, и, кроме Миньки, Коляна и Лёньки, никто не таращился в серую мглу тоннеля, в мелькание редких огоньков семафоров и в ослепительную белизну проплывающих станций. Люди в основной своей массе дремали, зевали, читали, обменивались короткими фразами. Любопытствующий Лёнька тоже обратился к чтению и стал изучать свод правил пользования Московским метрополитеном, из которых прознал, что «на территории метрополитена нельзя распивать спиртные напитки и находиться в нетрезвом состоянии». Прямо под правилами два подростка вкусно тянули пиво, и сим вопиющим нарушением так поразили Лёнькино воображение, что он

умудрился не выйти вместе со всеми на станции «Кузнецкий мост». И отчаянно прислонился к закрывшимся дверям с надписью «Не прислоняться».

– На следующей выходи и стой! – кричал милиционер Витя. – Стой и никуда не ходи! Понятно! Выйди и стой!

О боже, как неисповедимы пути поэтов и их вдохновений! Лёнька, мчавшийся со скоростью ветра, на глубине добрых 80 метров и уткнувшийся взором в потёртую надпись «Не прислоняться», вдруг взял и сочинил доброе детское стихотворение:

*Прислонился слон к слонихе,
Заслонил ей дивный вид.
И слониха тихо-тихо:
«Слон – подвинься», – говорит.*

По-видимому, поэтическое переключение сознания полностью выбило из головы Лёньки наставления милиционера Виктора, и он, выйдя на следующей остановке, решил ехать в обратную сторону, наивно полагая, что сделает это, перейдя на другую сторону платформы. Но следующей станцией, увы, был никто иной, как «Китай-город», который, как известно, устроен абсолютно по-китайски. И Лёнька с сиреновой ветки попал прямиком на оранжевую и через пару минут оказался на станции «Третьяковская». Плюс ко всему он никак не мог вспомнить, а какая же, собственно, станция ему нужна. Почему-то ему думалось, что станция называется «Цикады на ветру», но о такой диковинной станции никто и слыхом не слыхивал. Полностью обескураженный Лёнька присел на лавочку и стал размышлять о своём горестном положении. Хорошо хоть солдатский туесок с провизией и початой фляжкой водки был вместе с ним. Перейдя от мыслей про своё подземное бытование к туеску с провизией, Лёнька тут же озаботился двумя вопросами: не нарушит ли он свои земные принципы, если, потерявшись глубоко под землёй, позволит себе выпить немного водки, за неимением сухого белого вина? И не нарушит ли он тем самым правил пользования Московским метрополитеном, употребив спиртной напиток на его территории? Резонно рассудив, что земные принципы могут и не распространяться на подземное существование, он быстро разрешил первый вопрос в сторону «употребить». Второй вопрос некоторое время входил в противоречие с принятым решением, «Но, – сказал сам себе Лёнька, – в настоящее время никаким таким метрополитеном он не пользуется, а просто волею судеб оказался на его территории, а раз не пользуется, то, стало быть, и правил пользования он не нарушит!»

Смутно притормаживали его речи гуся левого милиционера про запрещения распития в общественном месте. Но гусь левый милиционер говорил про улицу, а уж никак не про подземлю. И, таким образом пришедший к согласию с самим собой, Лёнька сделал три добрых глотка прямо из фляжки. Блаженно закусил хлебной корочкой и... Таки оказалось что нарушает!!! «Гражданин Леонид Веселов срочно поднимитесь в комнату милиции!» – грозно раздалось вдруг изо всех репродукторов.

Лёнька беспорядочно заметался в поисках загадочной комнаты, поражаясь слаженной работе подземных милиционеров.

– Чего мечешься, как хомяк в клетке? – улыбаясь, спросил его, откуда невесть возникший страж подземного порядка.

– Да я дяденька-господин подземный милиционер комнату милиции пытаюсь найти.

– А зачем тебе? – спросил, усмехнувшийся страж порядка.

– Да я, понимаете, нарушил свои земные принципы, а также правила пользования московским метрополитеном, хотя я в тот конкретный момент им вовсе и не пользовался, а, наоборот, волею судьбы был заблужен в его запутанных территориях и ещё... – затараторил Лёнька.

– погоди, – перебил милиционер, – тебя как звать-то?

– Меня-то? Лёнька, то есть Веселов Леонид Андреевич, у меня даже паспорт есть.

– Понятно! Это из-за тебя, что ли, такой переполох по всему метро устроили? И чего же такого ты натворил уважаемый Леонид Андреевич?

– Я-то? Да я ничего такого.

Я, дяденька-господин милиционер, потерялся маленько и от того и нарушил.

Вскоре в комнату милиции на станции метро «Третьяковская» ввалились Минька и Колян, возглавляемые милиционером Виктором, который, как оказалось, и организовал эти всеметрополитеновские поиски Лёньки.

15. На заработках (Горбат)

И вот наконец-то перед ними предстал тот самый что ни на есть – Горбат обетованный. На Горбате царила атмосфера шумного и многоликого балагана. Кто-то торговал матрёшками и шапками-ушанками по удивительным горбатским ценам. Кто-то пел песни, кто-то глотал огонь, кто-то ходил по битому стеклу, а кто-то рисовал портреты расфуфыренных фифочек.

– Ну, вы тут это, осматривайтесь. Дальше вон того столба не ходите, чтобы не потеряться, а я пойду пива выпью, – сказал милиционер Виктор, – а то столько нервов на вас, заразов, потратил.

Без Виктора сразу стало как-то боязно и неудобно. Лёнька сказал, что никаких стихов он здесь читать не сможет. Ну, вот не сможет и всё.

– Ведь стихи, ну они же для меня как дети. Это вам у костра в лесу я ещё могу их прочесть, а здесь, вот так... На всю улицу...

Оказалось, что и Колян не решается выставить на продажу купленную Виктором в каком-то переходе матрёшку (до «Детского мира» они так и не доехали).

– Понимаете, это же подарок нашего нового друга, – говорил Колян, – а как же можно продавать подарок?

И только Минька мужественно разложил свой самодельный мольберт, брезентовый стульчик, краски и приготовился к неизбежному рисованию расфуфыренных фифочек. Для храбрости они с Коляном отхлебнули из фляжки, а Лёнька выпил немного специального «Горбатского» вина, которое ему также купил всё успевающий и всезнающий Виктор.

– Новенькие? – раздался рядом с ними хриловатый голос бритоголового верзилы.

– Ага, – радостно сообщили они разноголосым хором.

– Надо бы заплатить – мирно сообщил бритоголовый.

– Чего?

– Чего-чего? Денег, конечно! – заржал бритоголовый.

– Каких денег?! – удивлённо спросили герои.

– Да любых. Можно и наших деревянненьких, можно зелёных, можно радужных. 3000 деревянных или в ЛаВе по курсу, – благодушно сообщил бритоголовый.

– Три тысячи?! – ужаснулись герои. – Откуда ж такие деньжищи-то?! Да за что же это?

– Как за что? – удивился бритоголовый. – За место. За вашу охрану. А то ведь неровён час – поломают мольбертик-то, да и ручки и ножки за компанию с ним поломают!

– Как поломають? Зачем? Кто?
– Да я же и поломаю, – доверительно сообщил им верзила.
– То есть ты будешь нас охранять от самого себя? – удивлённо спросил Лёнька.

– Ага, – радостно заржал верзила.

– Не стоит, – сказал Лёнька, – во-первых, мы тебя не боимся, а вторых, у нас уже есть охрана.

– Это какая ещё охрана? Тут у нас всё поделено, – удивился неожиданному отпору верзила.

– А такая: милиционер Виктор Галочкин! Вот такая.

– Чо ты гонишь? Какой-такой Галочкин? Нет тут никакого Галочкина. Тут Елдырин работает, ему все и отстёгивают, а Галочкиных никаких нет.

– А вот и есть. Вон идёт. С ним и поговори.

Верзила и Галочкин отошли в сторону, и между ними состоялся следующий разговор:

– Что за дела, братан? У нас тут варягов не терпят. Если что не так, можно и пёрышко в бок схлопотать, а потом десять свидетелей покажут, что я в целях самообороны, – так начал свою речь бритоголовый.

– Да ты не горячись, не горячись, – мирно отвечал Галочкин, – это на один день всего и даже меньше, это мы тут телешоу снимаем про трёх деревенских ребят, случайно попавших в столицу. Вон там в окошке, видишь, скрытая камера работает.

– Да ну?! Это чо и меня, что ли, в ящике покажут?

– Ну, этого я не знаю. Там редакторы будут работать. Монтаж-бандаж. Не моё дело. Моё дело за ребятами присмотреть, чтобы такие, как ты, им руки-ноги не поломали.

– Это правильно, – заржал бритоголовый, – если бы не ты, то уж насчёт всех не знаю, а две-три ноги я бы как пить дать погнул. Ну ладно, так и быть, снимайте своё шоу бесплатно.

Галочкин весело подошёл к настороженно поджидающей его компании.

– В общем так, ребята, спокойно работайте, и никого не бойтесь. Я пойду ещё пива выпью, а через часик-другой и до дома до хаты.

Герои наконец-то успокоились и стали терпеливо ожидать фифочек, готовых выложить за портрет целую тысячу, или, по крайней мере, 900 рубликов. Однако, фифочки фланировали, будто и не замечая расставленный ими мольберт, и садились совсем около других художников.

– Надо, Минька, как-то показать, что ты тоже художник, а то мольберт это не показатель. Я вон видел, как один тип в начале Горбата с мольберта папиросами торговал, – сказал Колян. – Давай, может, ты для начала меня нарисуйшь.

– Садись, – согласился Минька.

Минька решительно взял в руки кисточку, обмакнул её в кюветку с чёрной краской и замер. После этого встал, походил, отхлебнул из фляжки, снова походил, посмотрел на ворону, сидевшую неподалёку, почесал себя за ухом, закурил и отхлебнул ещё один глоточек водки.

– Ну, ты чо? Чо не рисуешь-то? – закопошился Колян.

– Да погоди ты, мне настроиться надо, – отмахнулся от него Минька.

– Да чего тут, настраиваться? Вон остальные – как фифочка присела – берут и пишут. Двадцать минут, и портретик готов. Двадцать минут – и целая тысяча в кармане.

– Остальны-ые. То остальные. А вот ты знаешь даосскую притчу про самого совершенного в мире краба?

– Какого ещё краба?

– А вот такого. Однажды к мудрецу, художнику и поэту Чжуан-Цзы пришёл нарочный от императора всей Поднебесной. «О, великий Чжуан-Цзы, – сказал нарочный, – наш император, наслышанный о твоей мудрости и талантах, просит тебя, чтобы

ты написал для него самого совершенного в мире краба! Скажи мне, что тебе нужно для этого?»

«О, – сказал Чжуан-Цзы, – это дело непростое. Мне нужен небольшой домик с садом на берегу моря, чтобы было, где отдохнуть, предаться размышлениям и медитациям, трое музыкантов моих друзей из восточного квартала, чтобы мы могли музицировать тихими лунными вечерами, несколько близких мне философов и поэтов, чтобы мы могли неустанно обсуждать между собой загадки и тонкости мироустройства, небольшой погреб с вином, чтобы было чем согреть наши тела и повеселить души, повар Ли Ю из срединного царства, который лучше всех готовит

ласточкины гнёзда. Танцовщица А Тамико из деревни с южного склона, которая потрясающе танцует танец облетающих листьев дерева Со. Рыбак Бо Ти, который знает тысячу с лишним морских историй про донных чудовищ. Немного денег, чтобы мы могли покупать себе еду и напитки, и один год времени». Выдал император Чжуан-Цзы всё, что тот запросил, собрал всех тех, кто был ему нужен, и на целый год оставил в покое. Через год приходит к Чжуан-Цзы нарочный от императора: «Ну как, мастер? Ты уже нарисовал самого совершенного в мире краба?» «О, нет, досточтимый, задача оказалась куда как сложнее, чем я себе представлял. Оказалось, что мне не хватает мудреца с жёлтой горы, который бесподобно заваривает жасминовый чай, а также охотника Су Чжао, знающего всё о повадках птиц и зверей, к тому же у нас практически закончилось всё вино и все деньги, а, кроме того, мне необходимо ещё три года времени». И сделал император всё, о чём попросил Чжуан Цзы, и оставил мастера в покое ровно на три года. А через три года приходит всё тот же нарочный от императора: «Ну как, мастер, готов ли самый совершенный в мире краб?» «Что ты, – отвечает Чжуан Цзы, – задача оказалась гораздо, гораздо сложнее! Нам никак не обойтись без странника Ля Тяо, обошедшего практически всю Поднебесную, и без певицы А Су, которая так мило поёт песню осыпающихся лепестков яблони, к тому же на исходе вино и деньги, надо бы пополнить наши запасы, чтобы мы смогли ещё пять лет потратить на поиски образа самого совершенного в мире краба». И выполнил император все просьбы великого мастера. А ровно через пять лет пришёл к нему снова всё тот же нарочный: «Ну как, почтенный мастер, написал ли ты самого совершенного в мире краба?» В ответ на это Чжуан Цзы достал лист тончайшей рисовой бумаги, тончайшую кисть из хвоста китайской белки, обмакнул её в чёрную, как зимняя ночь, тушь и в мгновение ока нарисовал самого совершенного в мире краба...

Окончание рассказа было встречено дружными аплодисментами собравшейся вокруг наших героев небольшой толпы. В раскрытый около мольберта солдатский туесок с провизией посыпались робким дождиком различного достоинства бумажки и монетки. Польщённый Минька сделал из фляжки внушительный глоток и мастерски нарисовал на прикрепленном к мольберту листе какую-то закорюку.

- Что это? – поинтересовался Колян.
- Это твой нос, – важно сообщил Минька.
- Похож, – согласился Лёнька.
- Разве у меня такой большой? – подивился Колян.

– Это твой метафорический нос, – сказал Минька, – нос, как зеркало твоей мятущейся души.

– Вон оно как... – удивился Колян и неуверенно шмыгнул зеркалом своей смутно мятущейся души.

16. Возвращение (Горбат – Красногорск)

Усталые, но довольные, они возвращались домой через вечернюю Маскву на милицейской машине с мигалкой, которую где-то раздобыл поистине неутомимый Виктор Галочкин. Заработанных даосской притчей денег в аккурат хватило на две бутылки водки «Путинки» и на бутылку «Горбатского» вина. На автобусных остановках то и дело попадались молоденькие девушки в джинсиках, похожие на студенток. Колян и Лёнька всё время предлагали их подвезти, на что получали лишь непонятные усмешки Виктора и шофёра в милицейской фуражке. Минька прижимал к себе мольберт, в глубине которого обитало зеркало мятущейся души Коляна. Лёнька потягивал из горлышка своё «Горбатское», а Колян с Виктором отхлёбывали «Путинку» из солдатской фляжки.

– А что хлопцы, хорошо бы песню сейчас спеть, – предложил Виктор. – Давайте нашу, милицейскую.

Шофёр в милицейской фуражке, по этому случаю даже отключил мигалку, и они затянули не очень слаженным хором:

*Если кто-то, кое-где, у нас порой.
Честно жить не хочет.
Значит надо нам вести незримый бой!
Так назначено судьбой для нас с тобой –
Служба дни и ночи...*

Красногорск 2006–2007

МИХАИЛ ПОГАРСКИЙ
ПУТЬ И ШЕСТВИЕ
ИЗ КРАСНОГОРСКА В МАСКВУ

(ПОВЕСТЬ ВНЕВРЕМЕННЫХ ЛЕТ)

Художник – Гюнель Юран.
Дизайн – Михаил Погарский.
Корректор – Екатерина Гоголева.
Фотографии на обложке и титуле – Михаил Погарский
Предпечатная подготовка – Константин Опарин.
Дизайн-студия «Треугольное колесо» – 2007.
143403, Красногорск-3, а/я 8.
www.trinwheel.com www.pogarsky.ru

Отпечатано в типографии Д-Графикс.
т. +7 (495) 254-74-94
Тираж 300 экз.